

ПОЗНАНИЕ «ПРЕДМЕТНОЙ ОЧЕВИДНОСТИ» – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Everybody «creates» while learning the object of his investigation, the evidence of this object becoming a definite factor of training and formation of a personality. Professor is called to organize direct meeting of students with their future speciality

Введение. В основу статьи положен материал из книг русского философа И. А. Ильина* [1].

Возвышенный и проникновенный стиль изложения, характерный для всех произведений И. А. Ильина, помогает осознать важность рассматриваемого вопроса, одинаково злободневного как в начале прошлого века, так и в наше время. Речь идет о *каждом* человеке, который «творит», постигая «предмет» своего исследования; открывающаяся при этом «предметная очевидность» становится определяющим фактором воспитания и становления.

Основная часть. «Предмет исследования», по Ильину, в зависимости от рассмотрения имеет широкий всеохватывающий смысл и относится как к науке вообще, так и к определенной научной проблеме, как к отдельной преподаваемой дисциплине, так и к обретаемой студентом специальности. «Предметом исследования» может быть определенный вопрос истории или другой области знания, «предмет» художественного творчества и даже «предмет» религии.

...Исследование не является монополией ученого. Исследуют все, кто имеет непосредственно дело с «предметом»: моряк, ведущий свой корабль, офицер и солдат на поле сражения, рабочий у своего станка, крестьянин, выращивающий хлеб, учитель в школе, профессор перед аудиторией многочисленных студентов, студент перед лицом своей будущей профессии. Всюду, где человек обращается с вопросом к природе и к своему человеческому окружению, он выступает в качестве самостоятельного мыслителя и оказывается исследователем.

...Каждый «ответ», каждое «нет» и каждое «да», которое исследователь безмолвно произносит в себе, отвергая одно и предпочитая другое, надо представлять себе как некий вековечный процесс, который длится с самого рождения первочеловека и его познания, слагается в наши дни и будет длиться всегда. Не потому, что каждое человеческое познание «относительно» и «недостаточно», нет, каждый *предметный ответ* достоверен и полноценен, но он *не исчерпывает* предмета, он не раскрывает его целостно, до самого «дна». Всякий «предмет исследования» подобен «махровому» цветку,

не имеющему «последних лепестков», он раскрывается все дальше и глубже, без конца, расцветая снова и снова... .

Продуктивный ответ дарит человеку истину, но истина также имеет образ «бесконечного махрового цветка». Этот «цветок» не есть иллюзия или фантазия; он подлинно существует, он раскрывается сам, и это расцветание в *процессе познания* совершается все дальше и дальше во всем своем великолепии.

Если говорить о *научном* исследовании, будет ли это изучение законов природы или *проблем воспитания человека*, необходимо отметить, что научная картина мироздания все время меняется, усложняется, углубляется, уходя в детали и никогда не давая ни полной ясности, ни единства. Наука никогда не будет в состоянии окончательно определить свои основные понятия, например, абсолютно точно установить, что такое «электрон», «энергия» или «психологическая функция». ...Научные объяснения подобных понятий – лишь попытки приблизиться к живой тайне материального и душевного мира.

...Вся картина мироздания в том виде, как его очерчивает наука, покоится на очень спорных и часто неясных гипотезах, которые иногда подтверждаются новыми наблюдениями, а иногда опровергаются и тогда отвергаются. Эти гипотезы полезны, необходимы и драгоценны, без них исследование мира не могло бы совершаться и наука стала бы невозможной. Но они совсем не суть доказанной истины, даже и те из них, которые доселе подтверждались при наблюдениях. Поэтому всем *великим мыслителям* свойственно как бы вечно цветущее мышление, ибо у них всякое понятие, всякое суждение, всякое слово вскрывает новые связи, разворачивает новые ходы, как бы открывает новые двери, ведущие к предметным источникам и колодцам, в предметные шахты. Такие мыслители качественно всегда *подлинны*, по объему и материалу всегда *новы*, по огню своей мысли – всегда *искренни*. Их мысль никогда не впадает в релятивизм, но она всегда незакончена... . Наука не устанавливает догматов. Она вопрошает, ищет и исследует, она не ставит запретов и не ведет к застою, она живет *динамически и творчески*, но ее динамика – *ответственна и осторожна*, она «испытывает», сомневается и проверяет.

* И. А. Ильин (1883–1954) много лет читал лекции в МГУ и в ряде университетов Западной Европы. Умер за границей. В 2004 г. с почестями перезахоронен в Москве.

Мышление человека творчески создает культуру не тогда, когда оно углубляется в чувственном и материальном, чтобы просто «наблюдать» его явления и анализировать их. Научное познание невозможно без логической и математической мысли, а также без нравственно воспитанной воли и без нечувственной интуиции. Мышление человека только тогда на высоте, когда оно способно подниматься от конкретно-чувственного к крылатому и интуитивно насыщенному отвлечению, сосредотачиваться на духовных содержаниях, созерцать их и пребывать в них. Все это означает, что, помимо внешнего (чувственного) опыта, человеку дан еще внутренний (нечувственный). И этот внутренний духовный опыт является источником культуры.

Воспитать человека – значит прежде всего пробудить в нем эти духовные переживания и открыть ему доступ к духовному опыту. Только здесь он может научиться отличать добро от зла, только в этой области он может увидеть, что такое художественность и прекрасное искусство, воспитать свой вкус и развить свое восприятие красоты. Только духовный опыт может открыть ему, что такое истинное знание, очевидность и доказательство и в чем состоит научная культура и *достоинство человека*... Духовные законы и запреты связывают всех людей, в том числе и тех, которые отвергают их или издеваются над ними. Человеку дана свобода отвергать их и попираť их, но никогда еще человек или народ, идущий по этому пути, не вел на земле *достойной, творческой и прекрасной жизни*, напротив, все они разлагались душевно, впадали в общественный беспорядок и смуту и исчезали в небытии.

О продуктивности науки свидетельствуют достижения техники и медицины, открытия физики, химии, всех без исключения областей знания. Но что касается теоретических истин и их доказуемости, то наука плавает по морям проблематичного и таинственного. Настоящий ученый знает, доколе простирается его знание, и поэтому он духовно скромн. Он ищет и пытается доказывать, он всегда добивается максимальной достоверности и доказательности, ясности и точности, но именно поэтому он знает, сколь трудно это дается, и всегда помнит, что полной достоверности у науки нет. Он всегда помнит, сколь ограничен объем того, что «уже познано», и сколь сравнительно невелика сила и компетентность научной мысли, ибо поистине мысль есть только одна из способностей человека, наряду с другими, а научная мысль нуждается в опыте, для которого необходимо чувственно воспринимать, ощущать, чувствовать, желать, воображать, созерцать и совершать поступки. Настоящий ученый понимает все это и не переоценивает ни отвлеченную

мысль, ни науку в целом. Поэтому, рассматривая отвлеченные схемы и формулы, ученый хранит в себе живое ощущение глубокого и таинственного. Этим объясняется то обстоятельство, что взор великих ученых не ослеплялся тем, что уже познано и добыто, но оставался прикованным к тайнам мироздания и к скрытым в них богатствам. Наука требует *всего* человека, а от него самого – *нравственного напряжения и подъема*, иначе он не коснется самого главного и заветного: тайны чувственных, нечувственных и сверхчувственных миров.

...Научное исследование тайн мироздания есть одна из благороднейших молитв, доступных человеку, *молитва очевидности*, ничего не выпрашивающая и ни на что не жалующаяся. Такая молитва несет ученому свои лучшие дары: любовь к предмету, который исследуется, стремление к точной и полной истине, чувство ответственности за всякое утверждение и отрицание.

Чем пронизательнее взор ученого, тем искреннее его изумление, тем строже его суждение о самом себе, как это бывает у аскета. Настоящий ученый знает свои пределы и пределы своего знания, поэтому он не бывает заносчив и не страдает гордостью. Он чувствует в себе *вечного студента*, который всегда будет знать недостаточно и которому только дано счастье расшифровывать окружающий мир как некий загадочный иероглиф, пребывая всегда в борьбе и не надеясь исчерпать свой предмет.

«Образованным» считается не многознающий энциклопедист; обременение человеческой памяти не дает зрелости человеческому духу. Мудрый грек Гераклит писал, что многознание не научает человека владеть умом. Истинная образованность есть *сила созерцания и зрелость суждения*. Она отвергает всякое «авторитарное» мышление и живет самостоятельным творческим общением с самим предметом. И поэтому образование – это прежде всего *воспитание к самостоятельному мышлению и созерцанию, к исследованию*. Исследователь, желающий судить о предмете, должен быть готов обратиться к нему именно теми силами и способностями своего существа, которых требует этот предмет (что скажет о живописи слепой?), приспособляться к тому способу бытия, который присущ данному предмету, используя всю «клавиатуру» своих человеческих способностей. И тогда можно надеяться на то, что не он скажет что-то о предмете, а сам предмет «заговорит» через него о себе и произнесет о самом себе драгоценное суждение. Только при соблюдении этого требования есть надежда на удачу: человек сможет *выразить воспринятое в словах и научить этому своих учеников*

Всю свою жизнь научный исследователь борется *с самим собой*, чтобы приобрести

необходимую чистоту, зоркость и гибкость духа, *с предметом*, чтобы его испытать, увидеть и изобразить, *с языком*, чтобы верно овладеть им и приспособить его. Он борется из-за истины, чтобы действительно пережить ее, закрепить и выразить, передать своим ученикам.

...Учитель умеет организовать своим ученикам *непосредственную встречу с предметом*, научить верно обходиться со своим объектом, будь это материальный мир или душевное явление, математическая функция, ответственный химический синтез или живое слово в филологии, трудно уловимое событие в истории или духовное «обстояние» в философии. Ученик должен научиться *самостоятельно* воспринимать свой предмет, находить его, выделять его, переживать его, созерцать и исследовать. Опытный педагог постарается передать своему ученику это умение.

...Доцент университета призван становиться между слушателем и предметом именно для того, чтобы вызвать их верную жизненную встречу, чтобы показательно организовать это творческое восприятие и вслед за этим исключить себя и сомкнуть разлученное. Он как бы берет студента за руку и ведет к источнику, чтобы показать, как этот источник в действительности выглядит, как его надо находить, как с ним обходиться.

У студента вырабатывается *умение спрашивать*, ставить вопросы, та необходимая вдумчивость и осторожность умственного взора, без которой невозможно никакое исследование. Важно иметь такое чувство, как если бы каждый вопрос возникал из глубины самого предмета и подсказывался им. Ибо настоящий вопрос рождается не произвольно, он как бы навязывается или предписывается, он как бы властно стучится в дверь. И именно *предметная серьезность* его создает уверенность, что ответ не замедлит.

В *научном* процессе познания возникает *искусство сомнения*, не бесплодного и беспредметного сомнения, но содержательно-определенного. Такое сомнение драгоценно, плодотворно и удостоверяюще. Оно известно серьезным исследователям, является источником всякого знания.

Идя через все преграды сомнения, через очистительные огни самокритики и возражения самому себе, человек обретает *искусство не-*

знания, храбрость откровенного непонимания, терпение, чтобы учиться и поучать других.

Настоящая наука создается ученым, который отвергает все, что он переживает как «вероятностно возможное», до тех пор, пока не появится *«предметная очевидность»*, повелительно требующая своего признания. Исследователь умеет уловить «необходимое и единственно точное», ощутить, что каждое его утверждение соответствует некоторому важному и решающему содержанию, что оно обоснованно и отличается очевидной точностью. Тогда новое изобретение подобно прочно лежащему камню в болоте, на который можно стать и опереться, чтобы нащупывать и отыскивать дальнейший путь.

Когда человек работает, например, над дешифрованием непонятого текста, ему приходится иметь дело с предположениями и неуверенными догадками до тех пор, пока он не почувствует, что вступил *в поток живого, связанного, единого смысла*; тогда у него возникает уверенность, что он не выдумывает ничего своего, субъективного, но верно улавливает то, что объективно скрыто в разбираемой им криптограмме.

Настоящий ученый носит в себе внутреннее чувство или даже сознательное убеждение, что в процессе творчества ему не все позволено, что многого он просто «не смеет», что отбор материала и оформление его не предоставлены на усмотрение его *произвола* или его *тищеславия*, что он на все должен иметь *предметное основание*.

...Об этом знали великие естествоиспытатели. Об этом знал Леонардо да Винчи, создававший свои произведения медленно, отыскивая и постоянно изменяя, и оставивший некоторые из них в неоконченном виде. Нередко он, отвергая, не мог обосновать словами свое отвержение, а утверждая, только настаивал на необходимости избранного.

Закключение. Каждый исследователь призван ждать и добиваться *предметной очевидности*. Иначе он не создаст ничего необходимого и вечного, потому что его изобретения и результаты воспитания учеников останутся всего лишь «игрою в вероятность», материалом для отчетности.

Литература

1. Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. – М., 1993. – Т. 1, 2; 1994. – Т. 3, 4; 1995. – Т. 5; 1996. – Т. 6.